

Rod Dreher

**THE BENEDICT OPTION.
A STRATEGY FOR CHRISTIANS
IN A POST-CHRISTIAN NATION**

New York: Sentinel, 2017. 262 p.;
ISBN-13: 978-0735213296

УДК 271-762(73)

DOI: 10.31802/2658-7491-2019-2-2-148-152

Из всех промышленно развитых стран США уверенно занимают первое место по уровню религиозности. Три четверти американцев считают себя христианами, и при этом почти половина из них посещают богослужение не реже раза в неделю. При этом американская религиозность довольно «текуча». Религиозные поиски и смена церковной принадлежности едва ли могут кого-то здесь удивить. Род Дреер, автор книги «Путь святого Бенедикта», которую называют самой заметной книгой о религии в США последнего десятилетия, вполне соответствует такому представлению о «подвижной» религиозности. Он вырос в глубоко религиозной методистской семье, но в возрасте 26 лет стал католиком. Через какое-то время католичество перестало его привлекать — но вовсе не по вероучительным причинам, а из-за разгоревшихся в прессе скандалов по поводу недостойного поведения некоторых католических иерархов. Тогда Дреер решил сменить конфессию ещё раз, и в 2006 году перешёл в Православную Церковь. Впрочем, для Рона Дреера всё это было не столько сменой веры как таковой, сколько утверждением в ней. Духовный путь писателя мало похож на «лестницу в небо» или на цепочку усилий по изменению себя в соответствии с высшей правдой. Скорее, Дреер искал такое место, где ему было бы комфортно с его собственным набором представлений — уже вполне оформившихся. Свою новую (или старую?) веру Дреер определяет как «бенедиктинский выбор», или «путь святого Бенедикта». Этому «пути» автор и посвятил свой главный — на данный момент — труд.

У Рода Дреера получилась сильная, понятная и мотивирующая книга. Это настоящий эталон миссионерской (в светском значении этого слова) литературы. За ярким предисловием следует достаточно объёмный, но совсем не скучный экскурс в историю западноевропейской философии, в котором эта самая история постепенно складывается в линейную схему. Как считает автор, с позднего Средневековья и по настоящее время западноевропейское (и, как производная от него, американское) общество движется исключительно по пути моральной деградации и отхода от религии. Но это не эсхатологическая картина «охлаждения любви», о которой говорил Христос Спаситель (Мф. 24, 12). Речь идёт о якобы существующем кризисе одной из человеческих культурных моделей, вполне преодолимом человеческим же усилием.

Сформулировав проблему, Дреер, как того и требует миссионерский жанр, предлагает эмоциональный (но в меру, без сентиментальности) рассказ о своём личном опыте. Основой этого опыта и источником вдохновения для Дреера оказывается католический бенедиктинский монастырь в итальянском городке Норча, древней Нурсии, откуда происходил основатель западного монашества святой Бенедикт Нурсийский. Нельзя сказать, что монахи предложили Дрееру какое-то революционное решение для комплекса вопросов, которые он для себя сформулировал. Их слова содержат в себе осмысление (надо отметить, очень здоровое и рассудительное) азбучных истин христианской аскетики: самоограничение без крайностей, послушание и дисциплина, основанные на любви. Но для Дреера сказанное — не просто источник личного духовного наставления, а основа для собственного плана «спасения мира от новых тёмных веков».

Этот план и предстаёт перед читателем в дальнейших главах. Всё то, что было ранее — это лишь введение к основной части книги. Здесь Дреер не столько рассуждает, сколько призывает к конкретным, достаточно продуманным действиям. План охватывает ключевые области жизни современного христианина — политику, церковь, семью, образование, работу. Хотя христианами целевая аудитория не ограничивается: Дреер не раз отмечает, что «путь святого Бенедикта» открыт для всех. Автор черпает нужные ему примеры не только из практики всех основных христианских конфессий, но без всяких оговорок обращается к опыту ортодоксальных иудеев и даже мормонов, приводя его в качестве примера «стояния за истину».

Несмотря на то, что на обложке книги стоит имя монаха, её практическая часть начинается не с семьи или церкви, а... с политики.

Наиболее сильным местом политической концепции Дреера является признание им факта, что поле классической государственной политики для христиан потеряно. «Культурные войны в привычном смысле слова проиграны, — пишет Дреер. — Так называемые ценностно-ориентированные избиратели — социальные и религиозные консерваторы — потерпели поражение и всё сильнее вытесняются из политики» (с. 79). Православные верующие, имеющие большой опыт выживания под властью ислама, а позже — в условиях коммунистических гонений, давно принимают внеполитичность церкви как нечто естественное. Однако из уст жителя страны, где религиозная свобода всегда была ключевой ценностью, это признание многого стоит. Дреер предлагает свой ответ на эту ситуацию: «Выйдите из-под влияния массовой культуры. Выключите телевизор. Отложите смартфон. Читайте книги. Играйте в игры. Займитесь музыкой. Обедайте в кругу друзей... Создайте церковную общину или кружок при своём приходе. Откройте классическую христианскую школу или помогите той, что уже есть. Разбейте сад или примите участие в местном фермерском рынке» (с. 98). Надо признать, что это очень хороший совет. Хотя автора, вероятно, вдохновляют времена его детства, эпоха «одноэтажной Америки», его предложения более чем актуальны для сегодняшних россиян — да и не только. Что объединяет нас, кроме телевидения и общегосударственных праздников вроде Нового года и Дня Победы? Существуют ли между нами хотя бы минимальные горизонтальные связи? Те из нас, кто называет себя христианами и теоретически должен быть готов поспешить на помощь ближнему — что мы знаем о своих самых близких — соседях по этажу, подъезду, дому? Как их зовут? Чем они живут? Напоминание о личной ответственности за жизнь общества, о важности взаимодействия между людьми на местном уровне — за всё это мы должны бы были искренне поблагодарить Рода Дреера.

Однако нельзя не отметить и менее сильных сторон социально-политической концепции автора. Дреер называет своё видение «бенедиктинским», по сути же здесь сложно усмотреть не только связь с нурскийским подвижником, но и специфически христианские черты. Здесь нет тоски человеческой души по общению с Богом. Вместо этого мы видим беспокойство из-за возможности оказаться вне зоны комфорта с приложением способов в этой самой зоне удержаться. Эти способы также носят не столько христианский (и даже просто религиозный), сколько психологический характер. И это не удивляет, учитывая, что рассуждающий о «грядущих гонениях» православный автор даже

вскользь не упомянул огромный опыт перенесения реальных гонений своими единоверцами на Ближнем Востоке, на Балканах, в Советской России. Нельзя сказать, чтобы Дреер вообще не обращал внимания на Восточную Европу, но для него образцом «бенедиктинского выбора» в этом регионе стал покойный президент Чехии Вацлав Гавел. Безусловно, Гавел был верующим и нравственным человеком в мире политики, но неужели десятки тысяч мучеников XX столетия не являются нам достаточное число примеров верности Евангелию?

Греческое слово «μάρτυς», которое обычно переводят на русский как «мученик», буквально значит «свидетель». С первых лет христианства последователи Иисуса отвергали изоляцию и социальный эскапизм. И это при том, что христианство вышло из ветхозаветной традиции, в которой (как и у современных ортодоксальных иудеев, которых Дреер приводит в качестве примера для подражания) именно отделение себя от окружающего мира считалось самым лучшим способом сохранить верность Богу и вере отцов. Но Дреер прямо предлагает вернуться к этой парадигме: выйти из общественного пространства, забрать детей из государственных школ и даже сменить место жительства так, чтобы физически оказаться в окружении единомышленников.

В чём же, по мнению автора книги, заключается угроза столь серьёзная, что ради противостояния ей христиане должны пересмотреть заповедь Христову быть «солью земли» и «светом миру» и замкнуться в кругу даже не своих братьев по вере, а просто тех, с кем у них есть «единство в главном» — приверженность социальному консерватизму? Автор полагает, что это угроза семье, которую он возносит на почти божественный пьедестал. «Судьба религии в Америке, — пишет Дреер, — неразрывно зависит от судьбы института семьи» (с. 123). Он соглашается с американским культурологом Мери Эберштадт, которая утверждает, что «религия подобна языку: научиться ей можно лишь в сообществе, начиная с собственной семьи» (с. 123). Можно и нужно понять Дреера-американца. В его стране, действительно, бунт против семейных традиций и бунт против религии практически всегда шли рука об руку. Сложнее понять Дреера-христианина, учитывая то, как часто в истории церкви сбывались пророческие слова Христовы: *Враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36).

Что же мешает Дрееру разглядеть существенный набор противоречий между его «бенедиктинским выбором» и евангельским идеалом — а заодно и здравым смыслом? Ведь он не только наделён незаурядным умом, но и имеет существенные богословские знания и опыт

пребывания в нескольких христианских конфессиях! Причин может быть много, но самая очевидная — это ограниченность той культурной среды, к которой Дреер принадлежит. Несмотря на «культурные войны», США всегда были и остаются территорией самых низких рисков для представителей всех религий, и в первую очередь христиан. Угрозы, о которых он пишет, не вымышлены, но степень их опасности — ничтожно мала по сравнению с ежедневным опытом жизни верующих людей в Османской империи или Советском Союзе. Но наиболее концептуальное расхождение между взглядами Дреера и евангельским учением, о котором свидетельствует Православная Церковь, заключается в понимании того, что такое консерватизм. Церковь консервативна — но не потому что она отстаивает «традиционные общественные институты», а потому что возвещает *веру, однажды преданную святым* (Иуд. 1, 3). Консерватизм церкви носит не социальный характер, это консерватизм правды Божией. Церковь не только признаёт, но поддерживает всякое человеческое устройство, которое содействует торжеству этой правды, является орудием в руках Бога, стремящегося спасти людей из-под власти греха и смерти. Но самостоятельной ценностью здесь выступает именно цель, тогда как всё, созданное людьми, может обратиться и против неё.

Род Дреер любит людей, это очевидно из его книги. Любит и стремится помочь. Заканчивая книгу, он признаёт, что «путь святого Бенедикта — это не способ вновь получить утраченное... не стремление обратить время вспять и вернуться в воображаемый золотой век, и тем более не план по созданию безгрешного общества, отрезанного от внешнего мира». В книге Дреера есть много вещей, с которыми можно (а порой и нужно) не согласиться, но есть и немало такого, чему не помешало бы поучиться всем людям, а жителям России — особенно. И это — дар Божьего промысла, который не следует отвергать.

Протоиерей Павел Великанов